

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

«КЕМБРИДЖСКАЯ ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ»

(Обзор издания)

The Cambridge Ancient History, Vol. 1²—XI (1928—1938). Ed. by J. B. BURY, S. A. COOK, F. E. ADCOCK, M. P. CHARLESWORTH. Vol. 1²—Egypt and Babylonia to 1580 b. c.; v. II—The Egyptian and Hittite Empires to c. 1000 b. c.; v. III—The Assyrian Empire; v. IV—The Persian Empire and the West; v. V—Athens 478—401 b. c.; v. VI—Macedon 401—301 b. c.; v. VII—The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome; v. VIII—Rome and the Mediterranean 218—133 b. c.: v. IX—The Roman Republic 133—44 b. c.; v. X—The Augustan Empire 44 b. c.—a. d. 70; v. XI—The Imperial Peace a. d. 70—192.

Буржуазная историческая наука Запада уже много десятилетий пребывает в состоянии, характеризующемся чрезвычайным распылением исследовательской мысли по отдельным, более или менее частным вопросам исторического знания. Накоплен огромный документальный (исторический и археологический) материал. Приемы формальной критики, филологический анализ, проблемы абсолютной и сравнительной хронологии и других так наз. вспомогательных дисциплин (в том числе методика археологии) разработаны в иных случаях до мельчайших подробностей и самой скрупулезной точности. Необычайно продуктивные археологические исследования последних десятилетий расширили рамки «исторического» периода в развитии человечества до шести тысячелетий. Тем разительней на фоне этого колоссального и все умножающегося материала бедность и пустота, царящие в области синтеза исторических знаний. Несмотря на большое количество изданий общего или сводного характера, исторические обобщения, как мы это видим у большинства буржуазных историков, не идут дальше того, на чем историческая наука остановилась уже около сотни лет назад. А фашистские «ученые» деградируют к откровенной фальсификации и мракобесию средневековья. Абсолютный застой синтетической мысли ощущают, несомненно, и сами представители буржуазной историографии. Не может быть игнорируемым также большой интерес, существующий у широких кругов послевоенной интеллигенции, к осмыслению прошлого в свете тех перемен, которые принесла с собой эпоха империалистической войны и революции. В стремлении удовлетворить этот интерес следует видеть причину возрождения оставленной было традиции «всеобщих историй», излагающих на протяжении большего или меньшего числа томов

всю историю человечества. Такова, прежде всего, из числа самых больших и серьезных, «Кембриджская всеобщая история европейских народов», подразделяющаяся на многотомные «Cambridge Ancient History», «Medieval History», «Modern History», и «Histoire générale», начавшаяся изданием во Франции несколько лет тому назад под редакцией Glotz'a.

В настоящее время задача составления такого труда даже хотя бы для одного из трех главных периодов всемирной истории не может быть выполнена силами одного человека,—настолько дифференцировалась и разрослась наука в области частных проблем. Доказательство этому—гигантский труд одного из самых крупных и работоспособных историков современности—«История древности» Э. Мейера, начатая еще в 80-х годах прошлого века, неоднократно в отдельных частях перерабатывавшаяся, но так и не доведенная до конца.

Поэтому все современные попытки создания «Всеобщей истории» являются сводом более или менее разнородных работ большого количества авторов, объединенных в сущности лишь титулом издания. Такова упомянутая выше «Histoire générale», представляющая собой коллекцию сводных работ, написанных крупнейшими специалистами по истории древнего Востока (М о р э), Греции (Г л о ц), Рима (П а и с, К а р к о п и н о) и т. д., но которая не отвечает существу своей задачи прежде всего потому, что ее составные части не объединены какой бы то ни было связующей идеей, позволяющей охватить изложенный в них материал со всемирно-исторической точки зрения. В этом смысле новая французская «Всеобщая история» ничем не отличается от старой немецкой коллекции Онкена, в состав которой вошли многие ценные в свое время работы, но которая, тем не менее, не оставила никакого следа в историографии «всеобщей истории».

Мало чем отличается от подобных изданий и «Кембриджская древняя история». Хотя составляющие ее работы подчинены, в смысле объема материала, некоему выработанному редакцией плану, все же они далеко не однородны ни по качеству, ни по научным принципам, положенным в их основу, не говоря уже об общеисторических идеях, которые в ней в равной мере отсутствуют. «Кембриджская история» по структуре ближе всего напоминает известную «Историю XIX века» Лависса и Рамбо, выходящую у нас в настоящее время вторым изданием, перед которой у нее, однако, имеется целый ряд преимуществ как общего, так и частного порядка, проистекающих из прогресса исторических и археологических исследований, имевшего место за последние десятилетия.

Ввиду значительного объема «Кембриджской древней истории», нижеследующее изложение имеет в виду лишь предварительное и общее ознакомление русских читателей с ее содержанием (главным образом, с точки зрения структуры и взаимного отношения составляющих ее разделов и тем). Хронологическим термином «Кембриджской древней истории» является эпоха Константина I (в XI томе изложение доведено до эпохи Антонинов включительно). Географическая рамка включает в себе Средиземноморье, Северо-западную Европу и Переднюю Азию, т. е., примерно, территорию, заключавшуюся в границах Римской империи. Нельзя не отметить, таким образом, того, что древняя история Китая и Индии, интерес к которой в последнее время все более растет, благодаря весьма важным археологическим открытиям, имевшим место в Северном Китае и в бассейне р. Инда, не нашла себе места на страницах «Кембриджской истории». Редакция как бы оговаривает

(I, p. V) этот факт тем, что ограничивает свою задачу историей европейских народов; как бы то ни было, этим только подчеркивается европоцентрический принцип, положенный в основу издания. И это лишь один из недостатков, обнаруживаемых при первом ознакомлении с содержанием «Кембриджской истории»; другой, по нашему мнению, заключается в том, что шесть из одиннадцати наличных томов посвящены истории Греции и Рима V в. до н. э.—II в. н. э., в то время как огромному хронологическому периоду евразийской доистории, всей древней истории восточных народов и архаическому периоду истории средиземноморских народов отведены лишь первые четыре тома. Диспропорция эта, очевидно, объясняется тем, что редакция «Кембриджской истории» не стремилась к сохранению правильной исторической перспективы, а шла по линии наименьшего сопротивления, определяющейся количеством и степенью изученности материала.

«Кембриджская древняя история» построена по синхронистическому принципу. Таким образом, история отдельных народов распадается на ряд очерков, расположенных в соответствующих исторических горизонтах. Так, I том доводит историю древности до 1580 г. до н. э. (конец эпохи гиксосов), том II—до начала I тысячелетия до н. э., том III и IV посвящены времени от 1000 до 478 г. до н. э. и т. д. Этот принцип имеет одно достоинство и ряд недостатков. Он обеспечивает изложению непрерывную хронологическую последовательность и создает видимость некоей его внутренней организации и последовательности. Но в данном случае это именно лишь видимость: главы, посвященные истории отдельных народов и расположенные в определенном хронологическом горизонте в данном томе, между собой не связаны, но лишь продолжают рассказ, прерванный на соответствующей странице одного из предшествующих томов. Так что «Кембриджскую историю», несмотря на строгое соблюдение хронологической последовательности, трудно было бы читать подряд страницу за страницей, в поисках цельного впечатления, необходимого при историческом повествовании, как и при всяком другом.

Формально это тот же принцип, который был положен Э. Мейером в основание его «Истории древности». Но то труд одного человека, осмысливающий излагаемый материал во всем его объеме, постоянно воссоздающий реальную или искусственную общую перспективу, тогда как здесь перед нами ряд очерков, написанных различными людьми, об этой перспективе не заботящимися, к тому же не связанных между собой строгой научной методологией.

Вообще, несомненно, редакция «Кембриджской древней истории» заимствовала у Мейера не только синхронистический принцип изложения. Целый ряд черт, характерных для внутренней композиции «Истории древности», перенесены в «Кембриджскую историю». Дальше Э. Мейера по пути более широкого привлечения новых исторических данных составители ее пошли в том отношении, что ввели большие и важные разделы, составленные на основании лишь археологических данных. Э. Мейер имел возможность предложить своим читателям только небольшой антрополого-социологический очерк, содержащий выводы из данных первобытной археологии и предваряющий его изложение, построенное почти исключительно на изучении памятников письменности. В этом отношении «Кембриджская древняя история» стала на путь осуществления давно назревшей задачи объединения на равных правах этих двух главнейших источников исторического знания.

I том «Кембриджской истории» открывается двумя главами, составленными J. L. Muges'ом и посвященными обзору доисторических культур Средиземноморья с древнейших времен до эпохи Гальштатта. Первая из них содержит историко-геологические данные относительно стран, омываемых Средиземным морем в доледниковую (третичную) и ледниковую эпохи, антропологический очерк древнейшей истории человека и, наконец, обзор палеолитических и эпипалеолитических культур Южной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Вторая глава посвящена неолитическим и древнебронзовым культурам [Альпийский неолит, бассейн Дуная и Юго-восточной Европы (Трипольская культура), Анау и Суза, культура окрашенной керамики Ближнего Востока и т. д.].

Третья глава (R. A. S. Mascaliester) посвящена истории археологических открытий в Средиземноморском бассейне и истории дешифровки египетских, вавилонской и хеттской письменности.

Следующий раздел (S. A. Cook, H. R. Hall, A. J. V. Wall) содержит обзор основных проблем хронологии древнейших периодов истории Месопотамии, Египта, Палестины, Крита и материковой Греции. При этом учитываются данные археологической классификации, являющейся для эгейской и элладийской культур основным ориентиром. К этим четырем главам, подводящим читателя к началу исторического периода и имеющим вспомогательное значение, может быть отнесена также и следующая, V глава, содержащая общие сведения о семитической расе (S. A. Cook), которая по замыслу редакции открывает изложение истории древнего Востока.

К такого же рода вводным очеркам принадлежат главы I и II второго тома (P. Giles), из которых одна посвящена антрополого-лингвистической характеристике древнейшего населения Малой Азии, а другая рассматривает вопросы, связанные с антропологией и этнографией древнейших народов Европы.

Привлечение обширного археологического и лингвистического материала, обычно остававшегося за пределами ведения буржуазной исторической науки, несомненно, должно способствовать читателю в выработке более правильной исторической концепции. Это обстоятельство выгодно отличает «Кембриджскую историю» от прежних изданий подобного рода. Правда, нельзя не заметить, что введение, в таком составе, не может не представляться односторонним и недостаточным. Вместо главы, посвященной семитам, хотелось бы видеть антрополого-лингвистический очерк, посвященный всему этническому кругу Восточного Средиземноморья и Передней Азии, а глава об археологических открытиях должна была бы сопровождаться общим историографическим очерком антиковедения и археологии, что помогло бы читателю отнестись критически к основному изложению, которое в общем довольно догматично и имеет минимальный документальный аппарат. В этом отношении опять-таки приходится отдать предпочтение «Истории древности» Э. Мейера, в которой каждый абзац сопровождается обзором и критикой источников и литературы.

Дальнейший обзор глав «Кембриджской истории» нам придется по необходимости производить не по томам, но соответственно принадлежности отдельных глав к изложению истории того или другого народа.

Древнейшей истории Египта посвящены VI, VII и VIII главы I тома. Первая из них (T. E. Peet) представляет обзор археологических данных, касающихся додинастического Египта (древнейшие некрополи, керамика и каменная посуда, антропологические данные, данные о языке и духовной

культуре). Следующие две главы (Н. Р. Н а l l) трактуют историю Древнего и Среднего царства до эпохи гиксосов включительно. Их изложение, помимо фактов политической истории, содержит характеристику социального строя Египта III—II тысячелетий и перемежается экскурсами в области искусства, религии и материальной культуры. Следует отметить, что Н а l l отстывает несколько от общепринятой хронологии, в соответствии с которой конец XII династии приходится на 1788 г. до н. э., и отодвигает эту дату более чем на два столетия назад.

Специально вопросам истории религии, письменности, литературы и культурного развития Египта от архаической эпохи до конца Древнего царства посвящена IX глава I тома (Т. Е. Р e e t).

История Египта эпохи Нового царства изложена в шести главах II тома (гл. III—VIII), принадлежащих перу покойного В r e a s t e d ' a (его двухтомная «История Египта» переведена на русский язык). Их дополняет очерк Т. Е. Р e e t ' a, посвященный религиозной реформе Эхнатона и истории культуры (науки и литературы) эпохи Нового царства. Заключительному периоду истории Египта (до персидского завоевания включительно) посвящены четыре главы III тома (гл. XII—XV), написанные Н. Р. Н а l l ' е м. Первая из них трактует события эпохи XXI—XXIII династий, вторая обнимает время эфиопского владычества и ассирийского вторжения, третья—саисский период, проникновение в Египет греков и персидское завоевание. Последняя глава посвящена синкретическим явлениям в восточном искусстве саисского периода.

Параллельно с историей Египта идет изложение истории древнего Вавилона. Ему посвящены шесть глав I тома (гл. X—XV). Из них первые три, написанные L a n g d o n ' о м, подробно рассматривают вопросы, связанные с происхождением древнесумерийской цивилизации на основании данных раскопок Анау и Сузы; изложение истории древнего Лагаша сопровождается детальным обзором археологических находок в Телло и других пунктах, содержащих остатки древнесумерийской культуры. Изложение доведено до Хаммураби и касситского завоевания включительно, при этом последние три главы, посвященные семитической Вавилонии, ее «золотому веку»—эпохе Хаммураби и концу I вавилонской династии, написаны Т h o m p s o n ' о м. Специальная глава (XIV) посвящена экономической, политической и культурной жизни Вавилона эпохи Хаммураби. Дополнением к ней и в качестве звена, связующего культуру вавилонскую с древнеегипетской, служит глава XVI, написанная Н а l l ' е м. Она трактует вопросы техники и стиля в искусстве и художественных ремеслах того и другого народа. Истории возвышения Ассирии, борьбе с сиро-хеттскими народностями при Салманасаре, Набукаднецаре I и Тиглат-Пиласаре I посвящена X глава II тома (С. Т h o m p s o n), причем к изложению привлечены новые материалы, добытые при раскопках некоторых касситских поселений, проливающие свет на международные отношения этой малоизученной эпохи.

Времени могущества и упадка Ассирийской империи посвящены пять глав III тома (I—V), написанные S m i t h ' о м, уделяющим много внимания вопросам внутренней социально-экономической истории Междуречья при Асаргадоне и Асурбанипале и его борьбе с северо-западными соседями, в частности с Ванским царством (Урарту).

Краткий период существования Нововавилонского (Халдейского) царства изложен С. Т h o m p s o n ' о м в X главе III тома, до персидского завоевания включительно. Этот же автор заключает историю Междуречья

главой (XI) о науке, религии и мифологии древнего Вавилона и их влиянии на культуру соседних народов древности и на новую европейскую культуру.

Государству и культуре народа Урарту посвящена, кроме того, отдельная (VIII) глава III тома, принадлежащая перу А. Н. Саусеа, в которой изложена топография халдских надписей, история их дешифровки и дан краткий обзор политической истории и духовной культуры Урарту. Северные народы, игравшие роль в истории древнего Востока, рассмотрены также в особой (IX) главе того же тома, написанной хорошо известным нас Е. Н. Мипсом, представляющей собой краткую сводку южно-русского археологического материала периода киммерийцев и скифов.

История малоазийских и сирийских хеттов изложена Д. Г. Ногартхом в трех главах, на страницах II (глава XI) и III (главы VI и VII) томов. Первая из них сообщает историю дешифровки хеттских текстов, касается вопросов происхождения и исторической географии каппадокийских хеттов, проникновения их в Сирию, характера политических и культурных сношений хеттов с Ассирией и Египтом. Поздней истории северо-сирийских хеттов, их борьбе с ассирийской экспансией специально посвящена вторая из этих глав, третья же рассматривает вопросы хеттской религии и искусства на всей территории и для всего периода существования народа.

Древнейшей культуре Ханаана, Палестины и области Восточной Сирии посвящены две главы II тома (XII и XIII; Н. Р. Халл и С. А. Соок), сообщающие о народах кефтиу, пулесати, митанни, филистимлянах и т. д. в свете египетских и ассирийских данных. Главы эти, в особенности вторая из них, нуждаются в значительных дополнениях за счет весьма важного материала, добытого за самые последние годы раскопками древнего Угарита и Мари и проливающего совершенно новый свет на многие вопросы древнейшей истории Ханаана и Восточной Сирии. Обе эти главы являются некоторым дополнением к изложению истории Египта, останавливаясь более подробно на истории его борьбы за обладание Сирийским побережьем, и в то же время служат введением к пяти главам—II (XIV) и III (XVII—XX) томов, посвященным истории древнего Израиля, написанным С. А. Соок'ом.

Первая из них содержит краткое введение в критику библейской традиции исхода и завоевания евреями Ханаана; характеристику политического и культурно-экономического состояния Иудеи и Израиля при первых царях, их взаимоотношений с прибрежными и восточносирийскими народами и заканчивается рассмотрением вопроса о египетском влиянии на древнейшие религиозные представления Израиля. Следующие две главы трактуют историю Израиля в эпоху царей до разрушения храма, в аспекте борьбы ассирийской и египетской политики. Они дополняются двумя главами, посвященными истории израильской религии древнейшего периода и политической и религиозной роли пророков. Особняком стоит XVI глава III тома, принадлежащая перу Р. А. С. Масалистега, посвященная исторической топографии Иерусалима с древнейших времен до I в. до н. э.

В дальнейшем мы уже не находим изложения событий истории еврейского народа во всей их последовательности: эпоха персидского владычества представлена в VII главе VI тома (С. А. Соок), содержание которой, касаясь и политических вопросов, концентрируется, главным образом, вокруг проблемы Пятикнижия и утверждения иудаизма в эпоху Неемии и Эзры. Эпохе Маккавеев посвящена XVI глава VIII тома (Е. Р.

В е v a n), которая излагает также историю Сирии при Селевке IV, Антиохе и Деметрии Сотере.

Наконец, в IX и X томах мы находим еще две главы (IX и XI), принадлежащие В е v a n'у и М o m i g l i a n o, в которых изложены события от Аристобула I до обращения Иудеи в римскую провинцию, при этом вторая глава целиком, а первая частично, посвящена эпохе Ирода.

И поскольку история ахеменидской Персии излагается лишь в тесной связи с событиями эпохи греко-персидских войн и завоеваний Александра Македонского, нами собственно исчерпан весь материал, относящийся к истории древнего Востока в эпоху его независимости от западных стран.

В итоге мы видим, что изложение истории древнего Востока на страницах Кембриджской коллекции, при всех достоинствах в отношении полноты охвата культурно-исторического материала, учета всего нового, что привнесли археологические исследования послевоенного периода и освещения некоторых весьма интересных проблем генетики и взаимодействия древнейших культур Восточного Средиземноморья,—страдает весьма существенными недостатками. Нет сколько-нибудь отчетливой картины социальных отношений, складывавшихся в странах древних рабовладельческих цивилизаций, не говоря уже о том, что вопросы возникновения классового общества, на основе применения рабского труда, вопросы классовой борьбы и ее отображения в памятниках политической и религиозной литературы Египта, Междуречья и Малой Азии даже не затронуты, равно как не суммированы данные, позволяющие выяснить причины упадка и гибели этих цивилизаций. Вообще, характеристика государственного и социального строя древневосточных стран и эволюция социальных отношений показаны весьма нечетко. Изложение немало страдает от чересполосицы и прерывания его на том или другом событии иногда по признакам чисто внешнего характера, что опять-таки не может не причинить ущерба правильному пониманию хода исторического процесса в определенных конкретных условиях. В особенности разбросана и местами даже бессвязно представлена история народов Сирии, в том числе и древнего Израиля. Мы уже указывали, кроме того, на искусственность географических рамок, в пределах которых излагается история Востока: редакция «Кембриджской истории», помещая обзор культуры северных народностей, так или иначе входивших в круг событий ассирийской истории, дает тем самым несколько больше того, что обычно сообщается о европейских народах при изложении истории Ассирии, и это конечно плюс, но в то же время почти совершенно умалчивается о народах Центральной Азии, судьбы которых неразрывно связаны с историческим развитием народов Передней Азии. Можно было бы привести и еще несколько примеров подобной однобокости и неравномерности изложения в вопросах уже не столь общего характера, но ввиду того, что наша цель ограничивается установлением лишь некоторых общих тенденций, наложивших печать на внутреннюю композицию «Кембриджской истории», мы не будем сейчас на этом останавливаться.

Мы переходим теперь к обзору изложения истории тех народов, которые стоят в самом центре внимания редакции «Кембриджской древней истории».

В I томе (глава XVII, А. J. В. W a s e) мы находим сводку археологических данных о древне- и среднеиндийской стадиях эгейской культуры на Крите, древнекикладской культуре, о древнем и среднем периоде элладийской цивилизации, о трех периодах доисторической фессалийской культуры и культуры первых двух слоев Гиссарлика (Трои). Непосред-

ственным продолжением этого очерка служит XVI глава II тома, принадлежащая перу того же автора и излагающая историю позднеминойского Крита и микенской культуры в Греции. История древней Греции несколько необычно для нашего времени, в целях борьбы с гиперкритицизмом, по словам редакции, но скорее в угоду консерватизму, начинается двумя главами II тома (главы XVII и XVIII, J. В. В u r y), излагающими мифологическую традицию об ахейцах и Троянской войне, с очерком ахейской государственности по Гомеру, и, наконец, характеризующими состав самого гомеровского эпоса, его новейшую критику и документальное значение. При этом делается всемерный упор на поднятие исторического кредита мифологической традиции.

Две следующие главы (XIX и XX, Н. Т. W a d e - G e r y и D. G. H o g a r t h) излагают выводы лингвистических и археологических данных о культуре древних дорийцев, традицию дорического завоевания и географию дорического расселения. За этим следует сводка данных о древнейшей ионийско-эолийской культурной области на Малоазиатском побережье и излагаются древнейшие этапы ионийской колонизации. Этот, как мы видим, далеко не полный обзор исторических данных о Греции догомеровского и гомеровского периода заключается очерком древнейшей религии и мифологии гомеровской эпохи и религиозных пережитков более раннего времени.

Построение раздела, излагающего древнейший период греческой истории, нельзя назвать удачным прежде всего именно потому, что художественная традиция в значительной мере заменяет в нем те сведения, которыми наука располагает в отношении материальной и духовной культуры Эллады эпохи геометрического стиля и которые традиция призвана лишь в какой-то степени иллюстрировать и оживлять. При этом читатель сначала узнает о гомеровских поэмах и гомеровской культуре и лишь затем получает сведения о культуре Малоазиатского побережья в эпоху, частично предшествующую Гомеру.

История Греции, на грани перехода от «героического» к историческому веку, посвящены четыре главы III тома (главы XXII—XXV). Первая из них (Н. Т. W a d e - G e r y) посвящена росту дорических государств и дает историко-географический обзор Пелопоннеса эпохи тиранов, вторая посвящена древнейшей истории и топографии Афин (А. G a r d n e r и М. S a r y) эпохи синойкизма, с привлечением археологических данных и характеристикой дипилонского стиля. В следующей главе М. S a r y распространяет этот обзор на Среднюю и Северную Грецию, останавливаясь в конце главы на возникновении дельфийского культа Аполлона и на происхождении религиозного и политического влияния Дельф. Непосредственно за этим и, стало быть, предшествует изложению событий политико-экономической эволюции Греции в VII—VI вв., следует глава (J. L. M y r e s) о колониальной экспансии в области Восточного Средиземноморья—Эгейского моря, Понта Эвксинского и Адриатики, составленная в виде обзора всех важнейших колоний. Пяти вышеуказанным главам предшествует (а не заключает, как это было бы уместнее) очерк истории Лидии и ионийских городов (глава XXI, H o g a r t h) до персидского завоевания включительно. Этим самым редакция «Кембриджской истории» нарушает в данном случае установленный ею принцип синхронного изложения событий, что, однако, не служит на пользу его внутренней последовательности.

Введением в обозрение дальнейшего этапа истории Греции, занимаю-

щего значительную часть следующих (IV и V) томов, служит заключительная XVI глава III тома, где обсуждается проблема происхождения греческого полиса, суммируются вместе с тем данные, изложенные в предшествующих главах, свидетельствующие о росте городов и укреплении земельной и торговой аристократии.

История Афин излагается в дальнейшем последовательно от килоновой смуты до греко-персидских войн включительно, в II, III, VI и X главах IV тома. Первая из них (F. E. A d s o c k) останавливается, главным образом, на конституционно-политических следствиях преобразований Солона, чему предпослано краткое упоминание о предшествующих им годах экономического и политического кризиса. Следующая, написанная тем же автором, глава посвящена времени Писистрата и Писистратидов; при этом излагается, главным образом, внутренняя политическая история. Одновременные события в Пелопоннесе упоминаются лишь в связи с кратким изложением истории образования Пелопоннесского союза. Следующая глава, посвященная в основном обзору реформ Клизфена, освещает события эпохи несколько шире, чем предыдущая, останавливаясь подробно на вопросах афинской международной политики и на пелопоннесских делах в связи со спартанско-аргосской войной.

Перечисленные только что главы дополняются обзором (глава IV, P. N. U r e) политических событий, имевших место на рубеже VI—V вв., в малоазийских центрах, североионийских городах, в Великой Греции и на Африканском побережье. Обзор этот отчасти повторяет уже упомянутую ранее XXI главу III тома. Далее, ко всему периоду греческой истории до греко-персидских войн относится несколько глав, посвященных экономике и духовной культуре названного периода. Таковы: очерк происхождения греческой монеты и монетных систем VI в. (глава V. G. F. H i l l); очерк истории греческой литературы от Гомеридов до Вакхилида (глава XIV, J. B. B u r u); религиозные движения (происхождение мистерий, орфические учения) и философия досократовского периода (глава XV, F. M. S o r n f o r d) и, наконец, обзор истории архаического искусства (глава XVI, J. D. V e a z l e y).

Изложению истории греко-персидских войн посвящены три главы IV тома. Им предпосланы главы I и VII того же тома, обнимающие историю Персидского царства до похода Мардония. Первая из них (G. V. G r a u) повествует о возникновении и распространении персидского могущества на востоке от Кира до Дария и о политике центральной персидской администрации в отношении завоеванных стран. Вторая (G. V. G r a u и M. S a g u) представляет собой весьма подробный обзор событий эпохи Дария и имеет разделы, характеризующие государственное управление, культуру, искусство и религиозные культы Персидского царства. Заключительная часть этой главы является введением в историю первого похода в Грецию и излагает весьма подробно причины и ход событий ионийского восстания. Перипетии войны (до битвы при Микале и взятия Сеста) изложены со всеми подробностями в трех главах (VIII, IX и X) того же IV тома, принадлежащих перу J. A. R. M u n r o. В них содержатся, кроме того, экскурсы в область истории военной техники, состава армий и дипломатии греков и персов.

В связи с событиями греко-персидских войн читатель впервые получает сведения о Карфагене и финикийской колонизации, а также о сицилийских греческих городах, от их возникновения до битвы при Гимере (глава XI, J. N a c k f o r t h).

Общая концепция эпохи греко-персидских войн, поскольку она резюмирована в редакционном предисловии (v. V, p. V), столь же тривиальна, сколь и последовательна в духе общих установок издания. Это, разумеется, все та же старая идея победы европейской цивилизации над восточным варварством.

Том V «Кембриджской древней истории» целиком посвящен эпохе могущества афинской демократии в эпоху Фемистокла, Кимона и Перикла, Пелопоннесской войны и крушения Афинской державы.

Открывается он обзором (M. N. T o d) экономического положения Греции в V в., дающим сжатую характеристику состояния важнейших отраслей хозяйства, торговой и финансовой политики применительно, главным образом, к Афинам. Поскольку историко-экономические данные в такой связи преподносятся впервые, и в то же время без подведения итогов хозяйственного развития VII—VI вв., возникновения крупного рабовладельческого хозяйства, образования международного рынка и т. д.,— обзор этот оказывается весьма узким и статическим, тем более, что он не пытается заглянуть немного вперед и указать на причины политического кризиса конца V—начала IV вв. Далее, главы II, III, IV (E. M. W a l k e r) излагают политические события 70—40-х годов V в., сосредотачивая внимание, главным образом, на истории Делосского союза, первой Пелопоннесской войны, египетской экспедиции и внутренней истории Афин в эпоху широких демократических реформ.

Эти главы сопровождаются приложением, помещенным в конце тома, где рассматриваются спорные вопросы хронологии «пятидесятилетия» и Пелопоннесской войны до 406 г. Изложение событий Пелопоннесской войны предшествует глава VII (F. E. A d s o c k), посвященная афинской политике и противоречиям между Афинами и Спартой. Следующая (VIII) глава (F. E. A d s o c k) содержит подробный обзор политических событий и военных действий за десятилетний период Архидамовой войны (до Никиева мира включительно). Заключительному этапу Пелопоннесской войны посвящены главы IX—XII, написанные W. S. F e r g u s o n'ом. Первая из них обнимает события спартано-аргосской войны и военных действий Алкивиада в Пелопоннесе. Следующая—посвящена афинским экспедициям в Сицилию. Этой главе предпослан очерк (глава VI, R. H a s k f o r t h) политических событий в Сицилии в середине V в., с характеристикой экономического и культурного подъема греческих городов, в особенности Сиракуз.

Последние две главы излагают военные события у берегов Малой Азии, эпизоды гражданской войны на Хиосе, Самосе и в Афинах, с подробной характеристикой олигархического движения—вплоть до падения Тридцати и восстановления афинской демократии в 403 г.

Изложение политической истории дополняют главы, посвященные культурным явлениям эпохи. Глава XIV (R. W. M a s a n) посвящена развитию греческой историографии греко-персидской и Пелопоннесской войны (до Ксенофонта), глава V (C. T. S h e r r a r d) содержит подробный обзор греческой трагедии и древней аттической комедии, с акцентом на ее политическом значении и, наконец, глава XV (J. D. B e a z l e y и D. S. R o b e r t s o n) весьма обстоятельно излагает историю классического периода греческого искусства, главным образом, в области архитектуры и монументальной пластики.

Несмотря на столь детальное изложение и обилие привлекаемого материала, нельзя не обратить внимания на некоторые существенные пробелы.

Уже было указано на то, что вопросы греческой экономики V в. очерчены весьма недостаточно. То же нужно сказать и в отношении общих явлений общественно-культурного порядка. Ряд фактов, разбросанных по различным главам, не позволяют читателю составить цельное представление о социально-историческом значении афинской демократии. Вопросы материальной культуры и условий городской жизни V в. остались совершенно незатронутыми. «Кембриджская история» имеет в себе главу о топографии Иерусалима, но ничего не говорит о топографии Афин V в.

Изложение истории эллинистической Греции IV в. группируется вокруг VIII, IX, XII, XV глав VI тома, содержащих обзор истории Македонии и македонского завоевания. Им предпосланы главы II—IV, посвященные событиям, имевшим место в Греции первой половины IV в. (M. S a r u). Первая из этих глав касается Спарты, ее преобладания в Греции, ее политики при Лисандре и Агесилае, спартанско-персидского союза и Коринфской войны. Две другие главы излагают борьбу возродившегося Афинского союза и возвысившихся при Эпаминонде Фив со спартанским могуществом. Изложение доводится до 360 г. и заканчивается характеристикой общего политического состояния Греции, как состояния разброда и упадка. Главы VIII и IX (A. W. P i c k a r d - S a m b r i d g e) излагают историю царствований Филиппа III, участие и роль Македонии в священной войне, соперничество афинян и Македонии в Халкидике. Главы XII—XIII (W. W. T a r n) обнимают годы царствования Александра, кратко сообщая историю его европейских и азиатских завоеваний. Изложение заканчивается характеристикой личности и системы государственного управления Александра.

Глава XIV характеризует положение Греции в годы восточных войн Александра, политику Антипатра в отношении союза греческих государств и заканчивается изложением событий ламийской войны и ее прямых последствий.

Следует упомянуть еще две главы VI тома: 1) «Персия от Ксеркса до Александра Македонского» (глава I, W. W. T a r n), излагающая историю Кира Младшего, поход Десяти тысяч и восстания сатрапов при Артаксерксах II и III, 2) «Египет ко времени Александра» (глава VI, H. R. H a l l), где прослежены судьбы Египта в эпоху Геродота, в последний период его независимости, и в эпоху окончательного подчинения Персидскому царству. Заключительная часть главы бросает ретроспективный взгляд на эпоху упадка Египта, декаданс египетской литературы и религии. Обе эти главы предваряют изложение истории войн Александра в Азии, приведших к созданию великой восточной империи.

Культурные итоги IV в. сведены в несколько глав, содержащих характеристику политических идей Ксенофонта и Исократа, Платона и Аристотеля в свете политической и философской борьбы эпохи кризиса и гибели греческого полиса (глава XVI, E. V a r k e r), систематический обзор философских учений Сократа, Платона и Аристотеля в связи с развитием точных и естественных наук (глава XI, F. M. S o r n f o r d), наконец, обзор истории изобразительных искусств и архитектуры в эпоху раннего эллинизма (глава XVII, J. D. B e a z l e y и D. S. R o b e r t s o n).

Введением в историю распада империи Александра и образования на ее развалинах эллинистических монархий должна служить I глава VII тома (W. S. F e r g u s o n), посвященная характеристике основных черт эллинистической идеологии эпохи диадохов, в которой прослеживается идея большой централизованной монархии, нашедшая поддержку

в новых формах религии—культе царей и все более широко распространяющемся религиозном синкретизме, в характерном для массовой психологии этого времени космополитизме, и породившая, в качестве реакции на все это, стоические и индивидуалистические учения.

Изложению политических событий, имевших место в Греции и на Востоке в период времени от смерти Александра и до первого столкновения Македонии с Римом, посвящены XV глава VI тома и III—VI, XXII—XXIII главы VII тома.

В первой из упомянутых глав (W. W. T a r n) рассматриваются отношения преемников Александра до битв при Ипсе (301 г.) в свете борьбы Антигона и Деметрия Полиоркета с коалицией Селевка, Птолея, Кассандра и Лисимаха. События, последовавшие непосредственно за этой датой—борьба Деметрия и Лисимаха с Селевком, проникновение галатов в Малую Азию и захват Македонии Антигоном Гонатом—сыном Деметрия, изложены в III главе VII тома, принадлежащей тому же T a r n'у.

Характеристике трех государств, возникших на развалинах империи Александра: птолемеевского Египта, сирийско-азиатского царства Селевкидов и Македонии с Грецией посвящены следующие три главы. Из них первые две написаны R o s t o v t z e f f'ым и содержат детальный обзор экономики, политической и финансовой администрации, а также политической и экономической географии Египта и царства Селевкидов. Большие разделы этих глав посвящены условиям развития греческой культуры на египетской и сирийской почве. Третья же глава (W. W. T a r n) останавливается, главным образом, лишь на внутренней политике Македонии в эпоху Антигона Гоната и на событиях политической жизни Греции в эпоху Этолийского союза. Она дополняется главой VII того же тома (C. F. A g n i s), посвященной вопросам культуры, литературы и философии в Афинах. Содержание ее в основном сводится к истории новоаттической комедии и изложению физических и этических учений Зенона и Эпикура.

Продолжение этого изложения для времени Ахейского союза и борьбы Македонии с греческими коалициями при Деметрии II, Антигоне Дозоне и Филиппе III мы находим в главе XXIII (W. W. T a r n). Глава XXII того же автора излагает историю войн, связанных с борьбой между Селевкидами и Птолеями за обладание Сирией.

Наконец, элементы эллинистической культуры суммированы в двух главах: IX (H. S. J o n e s и T. L. H e a t h)—о прогрессе точных наук в эпоху эллинизма, и VIII (E. A. B a r b e r)—об александрийской литературе и научных исследованиях в области истории и географии.

На этом мы покидаем историю эллинистической Греции и Востока. В дальнейшем они попадают в орбиту Рима, в связи с историей которого мы и будем в соответствующем месте рассматривать посвященные им страницы «Кембриджской истории».

В заключение обзора глав, посвященных эллинистическим монархиям, хочется сказать, что, несмотря на сравнительное обилие материала и полноту изложения, здесь, как и раньше, дают себя чувствовать некоторые пробелы. Несомненно, что наиболее значительным явлением этого времени было быстрое распространение греческого языка, греческой духовной и материальной культуры, вплоть до весьма глубинных пунктов восточной цивилизации; «Кембриджская история» не дает нам специального обзора успехов греческой культуры в странах Востока, равно как не фиксирует в достаточной степени внимания и на встречном культурном потоке

с Востока на Запад, что нашло свое отражение в религии, искусстве и в быту греков. Эллинистическая промышленность и торговля, для истории которых имеется очень большой, с каждым днем все пополняющийся эпиграфический материал,—не привлекла к себе внимания «Кембриджской истории». Наконец, совершенно опущены сведения, касающиеся восточных сатрапий империи Александра; хотя последние и освободились довольно быстро из-под власти Селевкидов, но продолжали развиваться под влиянием эллинистической культуры и поэтому должны были найти свое место в изложении истории эпохи эллинизма.

Нам остается сделать несколько замечаний общего характера относительно построения всего раздела, посвященного эгейской и греческой цивилизации. Многие из того, что было сказано по поводу композиции раздела древнего Востока, остается в силе и здесь. История эгейской культуры представлена весьма сжато и замкнуто. Приходится указать на отсутствие специальной главы, которая суммировала бы данные о культурных связях эгейской цивилизации с восточным побережьем Средиземного моря. Материал для подобного очерка, весьма важного с общесторической точки зрения, за последнее время сильно умножился.

Неотчетливо и разбросанно дана история архаической Греции (расселение племен и древнейшая колонизация). Если рассмотренный раздел «Кембриджской истории» содержит ряд весьма ценных очерков, посвященных вопросам духовной культуры и искусства древней Греции, то нельзя не пожалеть о том, что социальная и экономическая сторона исторического процесса показана весьма отрывочно и затронута лишь поверхностно. Это относится ко всему разделу, в особенности же к изложению истории эллинистического периода.

С историей древней Италии читатель сталкивается впервые на страницах IV тома, в котором XII и XIII главы (R. S. C o t t w a y и S. C a s s o n) посвящены этрусскому вопросу и итальянским племенам в эпоху этрусского могущества.

Первая из них касается истории этрускологии и ее методов, географии этрусских племен, хронологии этрусской истории и археологических данных. Весьма обстоятельно суммированы итоги новых исследований этрусского языка и письменности, религии и искусства. В следующей главе сведены лингвистические данные о других племенах Италии, дополненные краткой характеристикой культуры террамар. К изложению истории Рима, с отступлением от синхронистического принципа, «Кембриджская история» обращается лишь на страницах VII тома, где мы находим пятнадцать глав, содержащих римскую историю от основания города до II Пунической войны.

Изложение открывает глава X (H. S. J o n e s), посвященная обозрению древнейших памятников латинской письменности, источниковедения, анналистики и древней историографии. Две следующие главы (XI, XII, H. S. J o n e s) посвящены географии Лация, топографии древнейшего Рима, пересказу и критике легенд об основании города и изложению истории Рима в период царей. Этот раздел заключается очерком (глава XIII, H. S. J o n e s) древнейших политических и религиозных учреждений Рима до и в результате реформы Сервия Туллия. Он находит прямое продолжение в главе XIV (H. S. J o n e s и H. L a s t), содержащей обзор древнейших республиканских учреждений и их эволюцию до децемвирата, оформления законов двенадцати таблиц и законов Валерия и Горация. В этой главе, подробнее всего останавливающейся на времени децем-

виров, речь идет также о древнейшей римской колонизации и об аграрных отношениях. Следующая, XV глава (H. L a s t) посвящена отношениям латинян с соседями и доводит изложение до завоевания Вей и Южной Этрурии. Далее (глава XVI, H. S. J o n e s и H. L a s t) излагается внутренняя политическая борьба второй половины V века из-за курульных магистратур, образование нобилитета и характеризуются функции новых магистратов. Две следующие главы (XVII—L. H o t t o и XVIII—F. E. A d s o c k) посвящены галльской катастрофе, организации римской обороны на северной границе (глава XVII включает в себя небольшой очерк галльско-кельтической культуры и взаимоотношений этрусков и кельтов) и самнитским войнам в свете других событий, сопровождавших утверждение Рима в Центральной Италии.

Несколько особняком стоит глава XIX (M. S a r g u), имеющая вспомогательное значение при изложении событий эпохи войн с Пирром и Карфагеном. Она посвящена истории Сицилии в конце IV в. до н. э., повествует, главным образом, об Агафокле, его внутренней политике и о войнах в Африке и Южной Италии.

Глава, охватывающая события эпохи войн Рима в Южной Италии (глава XX, T. F r a n k) и завершение процесса объединения итальянских народов под властью Рима, акцентирует внимание на походе и войнах Пирра в Италии и Сицилии. Заключительная часть главы содержит характеристику Итальянской федерации, ее принципов и системы управления.

Перу того же автора принадлежат также главы (XXI и XXV), посвященные истории Карфагена накануне Пунических войн, сицилийским делам при Гиероне, событиям I Пунической войны и, наконец, политическому положению Италии и Сицилии по окончании этой войны. Вторая из названных глав излагает, кроме того, перемены, имевшие место между I и II Пуническими войнами в государственной администрации Рима.

Специальные обзоры посвящены иллирийским войнам и римской дипломатии в отношении Македонии (глава XXV, T. F r a n k), а также пунической экспансии в Испании при Гамилькаре и Ганнибале (глава XXIV, A. S c h u l t e n) между I и II Пуническими войнами. Последняя глава дает, кроме того, небольшой археолого-этнографический обзор древней Иберии.

В приложении к VII тому помещены специальные экскурсии в область некоторых хронологических проблем, в том числе—о дате первого договора между Римом и Карфагеном.

События II Пунической войны изложены в трех (II, III, IV) главах VIII тома, принадлежащих перу B. L. H a l l w a r d'a. Первая из них излагает причины войны, стратегический план Ганнибала, его поход через Альпы и ход военных действий до битвы при Каннах. Следующая касается, главным образом, похода Сципиона в Испанию и Сицилийской войны. Наконец, третья посвящена заключительному этапу войны до битвы при Заме, условиям мирного договора и последствиям войны для римской экономики и политики.

События III Пунической войны нашли свое место в главе XV (B. L. H a l l w a r d и M. P. C h a r l e s w o r t h), обрисовывающей политическое и экономическое положение Карфагена накануне войны, его борьбу с Масиниссой, ход войны и разрушение города и заканчивающейся общим очерком культурного и исторического значения Карфагена в древности.

Главы V, VI, VII и VIII (автор первых трех глав—M. H o l l e a u x,

последней — Р. V. M. В е п е с к е) посвящены событиям первой половины II в. на эллинистическом Востоке и истории войн и дипломатических отношений Рима с Филиппом III, Персеем и Антиохом. Первая глава концентрирует внимание на антиримской политике Филиппа, его союзе с Карфагеном, римском союзе с Этолией и первом этапе войны в Греции; следующая излагает, главным образом, события войны до битвы при Киноскафалах; далее рассматриваются войны Антиоха в Малой Азии и Греции до мира в Апамее и, наконец, в последней из этих глав речь идет о заключительном этапе борьбы Рима с Македонией и ее союзниками до битвы при Пидне. Дополнением к этому большому обзору восточных войн Рима служит глава IX (Р. V. M. В е п е с к е), характеризующая общие вопросы римской восточной дипломатии и результаты политики Рима по отношению к греческим и малоазийским государствам.

Внутренняя политика Рима, экономические и социальные сдвиги в римском обществе за рассмотренный период, муниципальная жизнь Рима, а также мероприятия на севере Италии против бойев, инсубров и лигуров изложены в главах XI и XII (Т. F r a n k).

Специальная глава (X,—А. S c h u l t e n) посвящена организации провинциального управления в Испании, восстаниям, кельтиберийской войне, с подробным описанием осады и взятия Нуманции Сципионом.

Упомянем еще главы, посвященные странам, уже вошедшим или долженствовавшим в скором времени войти в орбиту римского влияния. Таковы: очерк (глава XIX,—М. R o s t o v t z e f f), посвященный политической организации, экономике и культуре Пергамского царства, этнографический и историко-культурный обзор фракийских народностей (G. T. K a z a r o w); очерк истории Боспорского царства в его связях со скифо-сарматской степью и его торгово-политических отношениях с государствами Греции и Малой Азии (M. R o s t o v t z e f f).

Заключением к этим очеркам политико-экономической истории эллинистического Востока, в эпоху выступления на мировую арену Рима, служит обзор средиземноморской торговли, концентрирующей внимание на ее главнейших центрах: островах Родосе и Делосе (глава XX, M. R o s t o v t z e f f).

Первые плоды римской духовной культуры подытожены в двух очерках (глава XIII—J. W. D u f f и глава XIV—С. V a i l e y), посвященных истокам латинской литературы, образованности и религии, концентрирующих внимание на эпосе, драме, комедии, на основных чертах домашнего и государственного культа и на моментах прямого влияния этрусской и греческой культуры на римскую.

Особая глава (I—Т. R. G l o v e r) посвящена Полибию, как крупнейшему историку эпохи.

Том IX «Кембриджской истории» посвящен событиям последнего столетия республики от Гракхов до смерти Цезаря.

Глава I (H. L a s t) излагает сущность аграрного кризиса, подробно останавливается на причинах и ходе первого сицилийского восстания рабов, переходя затем к аграрному закону Т. Гракха и последовавшим за ним событиям до убийства Гракха и торжества реакции. Глава II начинается с обзора и характеристики союзнических восстаний, переходит к трибунату Гая Гракха, останавливаясь подробно на каждом из введенных им законов и политической борьбе вокруг них. Рассказ о падении Гая Гракха заключается обзором земельных отношений в Италии после реформ Гракхов.

Социальной борьбе в Италии от эпохи Гракхов до первого триумvirата посвящены три главы (IV, V, VI—H. Last и R. Gardner), из которых первая сосредоточивает внимание на трибунате Сатурнина и Друза, союзнической войне, Сульпициевых законах и первом консульстве Суллы.

Следующая глава излагает борьбу Мария и Цинны с Суллой, диктатуру последнего, с подробной характеристикой его реакционных мероприятий. Изложение доведено до смерти Суллы. Последняя из этих глав начинается обзором политической ситуации в Риме по смерти Суллы, переходит затем к Серториевой войне, первому консулату Помпея и Красса, до экспедиции Помпея в Азию. В той же главе три страницы посвящены спартаковскому восстанию.

Внешние события и войны Рима на Западе и Востоке за эти годы изложены также в трех главах (III—H. Last; V—M. Rostovtzeff и H. A. Ormerod; VIII—H. A. Ormerod и M. Cary), из которых первая кратко касается восстаний рабов в Азии и Сицилии (война с Аристиком и подавление второго сицилийского восстания) и подробно излагает этапы Югуртинской войны, военные действия на севере Италии и военно-реорганизационные мероприятия Мария в борьбе с кимврами и тевтонами. Следующие главы посвящены войнам с Митридатом (с предварительным очерком истории Понтийского царства и династии Митридата), борьбе с пиратами на Средиземном море, кампании Помпея в Сирии и политике Рима по отношению к Парфянскому царству и Египту.

Рост территории республики, превращение ее в огромную империю подытожены в главе X (G. H. Stevens), посвященной обзору территориальных приобретений, организации военной и гражданской провинциальной администрации и экономическим взаимоотношениям Италии и провинций.

Заключительный этап политического кризиса Римской республики изложен в четырех главах (XI, XII—M. Cary, XV, XVI—F. E. Adcock) того же тома; первая из них касается, главным образом, заговора Катилины и политической позиции Цезаря. Следующие две посвящены событиям эпохи первого триумvirата и политике Помпея от конференции в Луке до окончательного разрыва с Цезарем в 51 г. до н. э. Здесь же кратко сообщается о походе и гибели Красса в Месопотамии [поход Красса, история Парфянского царства и парфяно-римские отношения времени республики изложены особо в главе XIV (W. W. Tarn), подобно тому, как история Галлии, ее отношения с Римом до времени Цезаря и самая история ее завоевания Цезарем изложены в главе XIII, написанной C. Niget'ом].

Последняя из перечисленных выше глав подробно излагает события, последовавшие за вступлением Цезаря в Италию, борьбу с Помпеем и его приверженцами, войну в Египте и войну с Фарнаком. Изложение политической истории эпохи падения республики заканчивается обзором административных мероприятий Цезаря в области государственного и муниципального строя и хозяйства Италии и провинций, его внешней политики и, наконец, взаимоотношений Цезаря с республиканскими учреждениями. Последние страницы главы посвящены мартовским идам.

Гражданственность, культура и искусство позднеримской эпохи нашли себе место в очерках, посвященных сословному строю, семейным установлениям и социальным отношениям в Риме эпохи Цицерона (глава XIX—J. W. Duff), в очерке литературы цезароновской эпохи, где речь идет, главным образом, о поэзии Лукреция и Катутла, литературной и ора-

торской деятельности Цицерона, об исторических трудах Цезаря, Саллюстия и Непота; в очерке истории римского искусства эпохи республики, с установлением моментов влияния и взаимодействия этрусского и осско-кампанского стилей в римской живописи и скульптуре, заканчивающемся рассмотрением гражданской и культовой архитектуры Рима и других итальянских городов.

История республиканского Рима, занявшая два тома «Кембриджской истории», изложена с большой обстоятельностью, полнотой, неизменной даже и там, где, в угоду традиции, рассказывается легендарная история города эпохи царей и первого века республики.

Необходимо указать лишь на то, что революция рабов на протяжении последнего века республики, равно как и отдельные эпизоды крупнейших рабских восстаний в Италии, Сицилии и Малой Азии привлекли к себе совершенно недостаточное внимание со стороны редакции «Кембриджской истории». Этот материал, изложенный весьма сжато и разбросанный по нескольким главам, оттеснен с переднего плана изложения далеко вглубь и не служит поэтому для правильного понимания причин падения республиканских учреждений древнего Рима.

Эпохе второго триумvirата посвящены первые четыре главы X тома (M. P. Charlesworth и W. W. Tarn). Первая излагает события до триумvirата в момент преобладания Антония в Риме, появление на политической арене Октавиана, провозглашение триумvirата и смерть Цицерона, наконец, войну триумvirов с Брутом и Кассием. Следующие две главы останавливаются, главным образом, на восточной эпопее Антония, его союзе с Клеопатрой, парфянской экспансии на запад, борьбе Октавиана с Секстом Помпеем и на заключительной фазе борьбы Антония и Октавиана.

Важнейшим политическим событиям эпохи принципата Октавиана Августа и реорганизации внутреннего центрального и провинциального управления и армии, определению функций республиканских учреждений, равно как вопросам внешней политики и урегулирования отношений с соседними союзными и враждебными государствами посвящены главы IV (W. W. Tarn и M. P. Charlesworth) и V (H. S. Jones). Вторая из этих глав касается также вопросов династической политики Августа, оформления и укрепления власти принцепса и его ближайших помощников (Агриппа, Тиберий, Друз).

Вопросы конституции и фактической компетенции сената в области юрисдикции, внутреннего управления и в области внешних сношений, а также социальный состав августовского сената рассмотрены в главе VI (H. S. Jones). Аналогичные подробные обзоры организации центральной, муниципальной и провинциальной администрации, местного самоуправления, финансовых реформ и организации фиска, а также состава и расквартирования сухопутных военных сил и морских и речных флотов мы находим в главах VII и VIII (G. H. Stevenson).

Организации и укреплению восточного и северного limes'a империи посвящены два детальных очерка (глава IX—J. G. C. Anderson и глава XII—R. Syme), из которых первый останавливается на вопросах оккупации и охраны границ и путей Египта, взаимоотношений с Парфянским царством, Арменией и Боспорским царством и на создании римской оборонительной линии на Евфрате. Второй излагает мероприятия по подчинению и умиротворению иберийских и альпийских народов, войны Тиберия и Друза в северных провинциях, наконец, войны с даками

и германцами (Марбод и Арминий). Специальная глава посвящена организации провинциального управления и мероприятиям по поднятию хозяйства и торговли Египта (глава X—H. R. Bell).

Большой обзор (глава XIII—F. Oertel) состояния промышленности и торговли Римской империи в эпоху Августа, останавливающийся на производственной продукции, торговых путях и мерах для подъема и обеспечения процветания промышленности и торговли, заключает перечисленные выше главы, посвященные политической и экономической жизни августовской империи.

Нам остается еще упомянуть о главе XIV (H. Last), излагающей мероприятия Августа, направленные к укреплению сословного строя, брака и семьи, и о двух главах, посвященных литературе и искусству «золотого века» (глава XVI—T. R. Glover и глава XVII—E. Strong). Вторая из них посвящена, главным образом, портретной скульптуре эпохи Августа и его ближайших преемников и архитектуре Рима эпохи Августа, Тиберия и Клавдия.

Введем к изложению истории эпохи императоров Юлиево-Флавиева дома служит глава XVIII (F. E. Adcock), посвященная выяснению происхождения монархических идей, связанных с идеологией эпохи принципата, личности Августа, как монарха, династическим вопросам и социальному эффекту принципата.

Ход политических событий в Римской империи от Тиберия до Веспасиана изложен в главах XIX—XX (M. P. Charlesworth), XXI (A. Momigliano), XXIV (G. H. Stevenson). Первая из них посвящена царствованию Тиберия и останавливается, главным образом, на взаимоотношениях императора с сенатом, политической карьере Друза, Германика и Сеяна и на вопросах провинциального управления. Далее (глава XX), речь идет о личности императора Калигулы, его тирании, о германских и иудейских делах. Вторая часть этой главы посвящена времени Клавдия, содержит характеристику его, как политического деятеля, прослеживает изменения, произведенные им в администрации империи и законодательстве, провинциальных делах и отношениях Рима с вассалами-союзниками. Следующая глава обнимает годы царствования Нерона, останавливается подробно на интригах Агриппины и Пoppей, на политической роли Сенеки, Burrа и Тигеллина, пожаре Рима и Пизоновом заговоре. Глава XXIV, заключающая изложение истории царствования Нерона и указывающая причины его падения, подробно останавливается на эпизодах гражданской войны в борьбе Гальбы, Отона, Вителлия и Веспасиана и на причинах победы последнего. Две главы (XXII—J. G. S. Anderson и XXIII—R. Syme и R. G. Collingwood) обозревают положение на восточной и северной границах империи в эпоху от смерти Августа до победы Веспасиана. Первая из них останавливается, главным образом, на парфянских и армянских делах Рима в эпоху Тиберия и Нерона и заканчивается рассказом о проникновении последнего на северный берег Черного моря. Вторая упоминает о дипломатических отношениях Тиберия с германцами, характеризует с политической и военной стороны германские племена близ рейнской границы, подробнее же всего останавливается на завоевании Британии и Фракии. Специальная глава (XXV—G. H. Stevenson и A. Momigliano) посвящена изложению тесно связанных с социальной борьбой в римском обществе восстаний в Галлии и Иудее. Она заканчивается рассказом о иудейской войне Веспасиана, осаде и падении Иерусалима.

Этим мы исчерпали содержание X тома «Кембриджской истории». Нам остается упомянуть лишь еще о главе XV (A. D. N o s k), посвященной вопросам религии и философии в эпоху от падения республики до смерти Нерона. Содержание ее касается; главным образом, религиозной политики Августа, возникновения культа императоров и этических учений Сенеки и Корнута.

Политической истории Рима в эпоху императоров из дома Флавиев посвящены две главы XI тома (I—M. P. C h a r l e s w o r t h и IV—R. S y m e). Они, однако, уделяют мало внимания событиям внешнего характера. Первая сосредоточивает внимание, главным образом, на мероприятиях по реорганизации и укреплению центральной администрации, провинциального управления и государственных финансов, предпринятых Веспасианом и Домицианом, а вторая посвящена вопросам обороны границ империи, в особенности на Востоке, реорганизации армии и войнам Домициана в Британии, Германии и Дакии. Для последней из этих глав вспомогательное значение получают два очерка (глава II—G. E k h o l m и A. A l f ö l d i, глава II—M. R o s t o v t z e f f), один из которых посвящен этнографии и археологии древнегерманских племен между Рейном и Дунаем; другой вначале характеризует происхождение и распространение сарматских племен, а затем дает детальный обзор истории социально-экономического быта и духовной культуры Парфянского царства. Эпохе императоров Нервы, Траяна и Адриана отведены главы V, VI (R. P. L o n g d e n) и VIII (W. W e b e r). Первая посвящена по преимуществу мероприятиям Траяна в области внутренней политики, восстановления государственного хозяйства и финансов, вторая излагает ход и результаты войны в Дакии и на Востоке (Аравии, Армении, Месопотамии). Третья характеризует стабилизацию империи при Адриане, очерчивает его индивидуальные качества, кратко останавливается на мероприятиях общеполитического и общекультурного порядка и, наконец, на оборонных и военных делах. Глава IX (W. W e b e r) посвящена политическим событиям эпохи Антонинов и, главным образом, годам царствования Марка Аврелия. Наиболее детально излагаются столкновения с Парфянским царством, германскими племенами, вопросы внутренней политики и культурные мероприятия Марка Аврелия. Заключительная часть главы посвящена царствованию Коммода, его индивидуальной характеристике и нарастающим признакам упадка антониновского Рима.

Изложение XI тома заканчивается эпохой Антонинов. Перечисленные выше главы, содержанием которых была, главным образом, политическая история Рима эпохи Флавиев и Антонинов, дополняются в заключение несколькими общими обзорами, призванными охватить в целом, за указанный период времени, отдельные стороны политической и культурной истории Рима. Так, две главы (главы X, XI—H. L a s t) посвящены конституционным и династическим проблемам принципата, системе центрального управления, взаимоотношениям республиканских и императорских учреждений, сословному строю, как опоре императорского режима. Вторая из этих глав останавливается, главным образом, на роли императорской власти в процессе унификации и романизации подчиненных Римской империи стран, на происхождении и развитии в императорскую эпоху идеи всемирной монархии, культа императоров и т. д. Упомянутые обзоры—это как раз то, чего недостает, как было отмечено выше, изложению истории эпохи эллинизма, и без которых элементы социальной и общекультурной эволюции тонут в обилии и разрозненности фактов. Отдельный очерк

посвящен социальной структуре римского общества и основным экономическим факторам эпохи. В нем сообщаются сведения о классовом и словесном составе общества, об общем уровне промышленности, сельского хозяйства и торговли, наконец, о материальном быте, массовой морали и религиозности.

Отдельная глава (VII—В. Н. Streete r) посвящена началу христианства. На сей раз здесь нет пересказа канонической мифологической традиции, но вопросы происхождения христианского культа также не поставлены, а прослежены лишь первые шаги христианской общины, главным образом, на сирийской почве.

Пять глав (XII—XVI) дают подробный обзор экономической и культурной жизни провинций за полтора века империи. Первая из них (E. A l b e r t i n i) подробно описывает народонаселение, хозяйство, пути сообщения и города Африки, Испании и Галлии; вторая (B. G. C o l l i n g w o o d и A. A l f ö l d i) сообщает те же сведения относительно Британии, Римской Германии, Реции и дунайских провинций, третья (I. R e i l)—Греции и западной части Малой Азии; четвертая (F. C u t o n)—Каппадокии, Сирии и Аравии, с подробным очерком сирийской культуры, литературы и религии; пятая (H. I. B e l l и P. R o m a n e l l i)—Египта, Крита и Киренаики.

И, наконец, последние пять глав XI тома посвящены литературе, науке и искусству этого времени. Глава XVII (F. H. S a n d b a c h) касается греческой образованности на римской почве, следующая глава (E. E. S i k e s)—латинской литературе «серебряного века», глава XXI (W. W. B u c k l a n d)—классическому римскому праву и истории римской юриспруденции, глава XX (G. R o d e n w a l d t)—истории архитектуры и скульптуры в Риме, Греции и на Сирийском и Египетском Востоке в эпоху от Нерона до Антонинов.

Этим исчерпывается содержание XI тома «Кембриджской древней истории».

В заключение обзора томов, посвященных истории Римской республики и раннего периода империи, хочется сказать о том, что этот раздел является, по видимому, самым полным и самым удачным в смысле распределения материала и взаимного отношения отдельных его частей, освещающих различные стороны исторического развития древнего Рима. В особенности это относится к изложению истории императорской эпохи, где наряду с подробными и широкими обзорами политических событий, имевших место на протяжении всей территории империи, мы находим весьма обстоятельное, преподанное с привлечением огромного нового эпиграфического и археологического материала, отображение экономического строя и материальной культуры империи. Моментом отрицательного порядка является то, что получаемая картина не лишена значительной доли статичности, в особенности там, где изложение построено по принципу обзора экономики отдельных частей империи для значительной территории и за продолжительный отрезок времени. Мы уже отмечали ранее и считаем нужным повторить здесь опять, что социальный кризис II—I вв. до н. э., породивший громадную волну рабских восстаний в различных областях римских владений, наших отклик и в других странах Средиземноморья—кризис, приведший к крушению Римской республики и подорвавший всю рабовладельческую систему хозяйства в целом, совершенно не раскрыт на страницах «Кембриджской истории». А поскольку движения общественных низов, в частности рабские восстания, не привлекли к себе необходимого внимания

редакции «Кембриджской истории» и изложены весьма суммарно и спорадически, читатель лишен возможности самостоятельно реконструировать истинный ход исторического процесса, что было бы значительно легче при более обстоятельном объективном изложении фактов в соответствующих разделах.

Мы, таким образом, подошли к концу нашего обзора. Необходимо отметить, что, несмотря на указанные выше многочисленные пробелы в изложении и недочеты методологического характера, несмотря на неизбежные, при принятой системе, повторения и разбросанность материала, нарушающие нередко внутреннюю связь изложения и смазывающие общеисторическую перспективу,—перед нами громадный труд, во многих частях являющийся последним словом буржуазной исторической науки. Он исполнен, главным образом, силами английских ученых. Но для изложения тех областей древней истории, которые не представлены в Англии собственными крупными специалистами, привлечены ученые различных стран Европы и Америки. Благодаря этому «Кембриджская древняя история» в известной степени, является плодом интернациональных научных усилий. Достоинство этого издания заключается также в его универсальности: оно стремится представить всю сумму знаний о древности, осветить все стороны деятельности человека античной эпохи, охватив, таким образом, исторический процесс в максимальном объеме. И если это далеко не всегда удается, то причины этого кроются, как уже было отмечено вначале, в органических изъянах буржуазной историографии, в частности, в неумении работать коллективно, в подлинном смысле этого понятия.

Нам необходимо сказать еще несколько слов о вспомогательном аппарате «Кембриджской истории». Каждый из перечисленных томов снабжен картами, планами, хронологическими и генеалогическими таблицами, подробной библиографией и указателями.

Библиография указывает литературу к каждой главе, при этом она систематизирована следующим образом: 1) указания на источники и их издания; 2) общие труды; 3) исследования, сгруппированные по затронутым в главе вопросам.

Карты иллюстрируют все наиболее важные разделы «Кембриджской истории». На каждый из томов приходится от 10 до 15 карт. Однако они редко имеют самостоятельное значение и в большинстве случаев их историческая нагрузка ограничивается одной лишь номенклатурой, т. е. на них большей частью отсутствуют политические границы, обозначения территориальных приобретений и изменений, торговых путей, военных маршрутов и т. д. Поэтому из всей серии карт мы можем отметить, как действительно оригинальные и интересные, лишь карту распространения неолитических и бронзовых культур в Средиземноморье (том I), экономическую карту Средиземноморья для V века до н. э. (том V) и карту Парфянского царства к 51 г. н. э. (том X). Из маршрутных карт, иллюстрирующих большие военные переходы, могут быть названы лишь карты Анабасиса и походов Александра Македонского. Ни греко-персидские войны, ни Пунические, ни галльские походы Цезаря не имеют подобных карт. Для удобства пользования все карты «Кембриджской истории» снабжены алфавитными указателями содержащейся в них номенклатуры, связанными с делениями географической сетки.

«Кембриджская история» иллюстрирована планами крупнейших городов древности, расположения войск в важнейших сражениях, некоторых сооружений, храмов и т. п. Почти каждый том имеет синхронистическую

таблицу изложенных в нем событий. Кроме того, даны подробные хронологические таблицы для различных периодов времени в рамках истории отдельных периодов, династические и генеалогические таблицы и т. п.

Указатели к каждому из томов «Кембриджской истории» разделяются на подробные предметные указатели, перечни ссылок на библейские тексты, тексты древних авторов, папирологические и эпиграфические издания.

Заметки по темным или спорным вопросам хронологии, топографии, критики текстов и по другим частным вопросам имеют характер небольших исследований и содержат дополнительные сведения на различные темы, по своему значению или по состоянию изученности вопроса оставленные за рамками основного текста.

*

В своей речи на I Всесоюзном совещании работников высшей школы товарищ В. М. Молотов следующим образом сформулировал те требования, которые предъявляют наши учащиеся и педагоги к новому советскому учебнику: «Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи» («Партийное строительство», № 11, 1938, стр. 8).

Эти слова, несомненно, имеют прямое отношение и ко всем тем изданиям общего и сводного характера, к которым учащийся наших вузов обращается для расширения почерпнутых из учебника знаний и которые призваны вводить его в весь круг вопросов и в специальную литературу избранной им дисциплины.

В области исторической науки такими изданиями являются большие коллективные труды сводного характера, обнимающие большие исторические периоды и рассчитанные на учащихся высших учебных заведений, педагогов и широкие круги советской интеллигенции. Над такими изданиями, в частности в области древней истории, уже работают советские историки и антиковеды. И при их осуществлении должно быть использовано все то ценное, что создала старая русская и зарубежная буржуазная наука в области древней истории. Кембриджская коллекция является одним из самых солидных и серьезных трудов этого рода. Содержащийся в ней большой опыт систематизации огромного, весьма разнородного по своему характеру и по приемам его изучения, материала должен быть безусловно использован, наряду с ее вспомогательным аппаратом, системой библиографических и систематических указателей, дополнительных кратких экскурсов по специальным вопросам и т. д. Но надо вместе с тем совершенно ясно представить себе и ее недостатки как общеметодологического, композиционного, так и частного характера. Из этого издания можно извлечь немалую пользу при осуществлении наших трудов по всеобщей истории, если к этой ответственной задаче подойти с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения.

